

Фантастические рассказы

Тайное Место

Павел Волчик

Павел Волчик
Тайное Место

«Издательские решения»

Волчик П.

Тайное Место / П. Волчик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530740-8

Отыщи его. В прошлом или настоящем. Во времени и пространстве. Оно может быть снаружи или внутри. В сердце или за чердачной дверью. В чемодане с детскими рисунками, в чёрном зрачке кота, в горном тоннеле или старом водохранилище. В душе каждого человека. Тайное место. Подбери ключ и входи. На цыпочках. Чтобы не разбудить хозяина. Особенно, если хозяин — ты. Восемь странных рассказов, переворачивающих сознание читателя...

ISBN 978-5-00-530740-8

© Волчик П.
© Издательские решения

Содержание

Короткая-короткая встреча	6
Звнящие сады	11
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Тайное Место

Павел Волчик

Редактор Наталья Богоявленская

Дизайнер обложки Полина Соколов

Корректор Анастасия Черёмухина

© Павел Волчик, 2021

© Полина Соколов, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-0740-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Короткая-короткая встреча

В небе за долю секунды выросло электрическое дерево. Чёрное полотно пробили сверкающие корни.

Арсений на мгновение увидел море и горы, серебряные края тучи, косые струи дождя и зеркальную ленту дороги, по которой приближался обшарпанный автобус.

– Вот так громыхнуло... – пробормотал он, обращаясь не то к себе, не то к жене, маленькой старушке в жёлтом дождевике, надетом поверх аккуратного застёгнутого шерстяного жакета.

– А? – спросила она, приподнимая сползавшую на глаза шляпку.

– Ничего, – проворчал он. – Даже грома уже не слышишь.

Амалия сощурилась, с трудом разглядела номер автобуса.

– Наш, – кивнула она. – Веди себя хорошо. И не стой, если уступят.

– Ещё чего, – фыркнул Арсений.

Из открывшихся дверей дохнуло жаром. Пожилая чета увидела спящего мальчика, откинувшего набок голову. На розовом лбу – мокрая от пота кудряшка. Арсений помог молодой пассажирке выгрузить коляску, прошептал на ухо Амалии: «Взрослый парень, а с соской». Вошёл сам.

Как раз полил дождь. Не просто застучал по крыше – хлынул потоком, как будто тучу скрутили в рог.

– Эй, вы, да-да, вы. Удобно?

Тридцатилетний увалень так и не успел донести до рта хрустящий чипс, вылутился на Арсения.

– Благодарю.

Амалия уселась на освободившееся место. С соседнего сиденья поднялась девушка в наушниках и с пирсингом в нижней губе:

– Садитесь.

– Нет-нет, я постою, – Арсений приосанился.

Амалия вздохнула. Девушка хотела возразить, но в это мгновение окна вспыхнули белым, в салоне мигнул свет.

– Как хотите...

На крышу автобуса будто обрушились листы нержавеющей стали. Арсений вздрогнул, ощутил себя маленькой фигуркой в ящике, над которым грохотали колёса небесного поезда.

С их прозрачных плащей на пол струилась вода. Амалия щурилась на жёлтые лампы и добродушно улыбалась. На её лице почти не было морщин, но вся кожа напоминала шершавую бумагу для рисования пастелью.

Это она уговорила его ехать в непогоду по проклятым горным дорогам, от одного вида которых его начинало мутить.

Старик вытер мокрый лоб и крепче вцепился в поручень. Рубашка на спине прилипла к телу.

«Я помидор в парнике, – думал Арсений, изнывая от жары под прозрачной плёнкой. – Старый сморщенный помидор».

– Не понимаю, почему он сам не приедет к нам, – услышал старик собственный голос, звучащий как бы не из его горла, а со стороны.

На этот раз Амалия его услышала, похлопала по ноге:

– Ты забыл, как это – ехать куда-то с двумя детьми?

Арсений расстегнул воротник на рубашке, оттянул ворот мешавшего дождевика:

– Мы для этого и копили ему на машину. В наше время собственный автомобиль считался роскошью.

Девушка у окна закатила глаза, снова надела наушники.

Автобус резко повернул. Старик не удержался на ногах, врезался в спину увальня, и тот рассыпал чипсы из пакета.

– Простите.

Здоровяк промычал что-то, отвернулся.

– Гы-гы-гы! – послышалось с задних рядов.

Щёки Арсения вспыхнули, он быстро оглянулся – в хвосте сидел подросток, лицо его подсвечивал голубой свет от экрана. Он смеялся не над ним – над чем-то, что разглядывал в телефоне.

На старика вообще никто не смотрел. Возвращавшиеся с работы женщины дремали, дети ёрзали на креслах, дёргали бахрому на дешёвых занавесках, студентки охали при каждой вспышке молнии, моряки напряжённо глядели сквозь пелену дождя.

Всем хотелось поскорее вернуться домой, выбраться из душного плена.

«Они торопятся, – подумал Арсений. – У них впереди целая жизнь. И эта жизнь сейчас зависит от водителя маленькой коробочки на колёсах, которая едет по краю скалы».

Амалия дёрнула его за край плаща.

– Помнишь? – спросила она так громко, что, наверное, услышали все.

Он посмотрел в окно и увидел внизу крохотный городок, лежащий у Чёрного моря. Разглядел шарики фонарей, освещающие набережную, беспокойное движение воды.

Что он должен был помнить? Старик нахмурился. Вспыхнула молния. В её свете проступила белая колоннада. Арсений замер. Перед глазами ожила девичья фигурка в мокром сарафане – вышитые цветы на платье напитались водой, запестрили как живые. Подол хлопает на ветру, девушка придерживает его рукой, другой убирает с лица тяжёлую косу, машет ему. За её спиной колонны, будто выточенные из кусочков мела, ещё дальше – ревушее пенное море. Она улыбается, и её улыбка, её фигурка – неотъемлемая часть живописного полотна, к которому он возвращался много раз, но так и не окончил.

Арсений удивлённо посмотрел на свои руки. Ведь он мог стать художником – он всегда любил рисовать. Почему же не стал?

Он опустил глаза – Амалия дремала, виден был только верх её шляпки.

Арсений наклонился, попытался разглядеть её лицо, угадать в отдельных чертах ту девушку из воспоминания. Ту, на встречу с которой он когда-то бежал под дождём, в сырой форме, с колечком, зажатым в мокром кулаке. Ту, которая родила ему сына и дочь. Ту, с которой он так мало виделся, мотаясь по командировкам. Ту, из-за которой (или ради которой?) он так и не стал художником. Он впился взглядом в самый краешек покачивающейся шляпы. Но профиль жены утонул в тени, как колоннада в пелене дождя. Сейчас сверкнёт молния, и он узнает, почему...

Однако за окнами не блеснуло – далёкие огни разом погасли. Оборвался шум дождя. Мотор зарокотал гулко, как в трубе. С обеих сторон на стёкла налегла темнота, смыла все краски и лица, превратила пассажиров в чёрные молчаливые фигуры. Только лицо подростка, глядящего в телефон, напоминало голубую светящуюся маску, но и он, заметив, как резко оборвался дождь, завертел головой и погасил экран.

Из мрака выплыло жёлтое пятно, обнажившее каменную стену тоннеля. За ним второе, третье, четвёртое. Не доехав до пятого, автобус остановился, запыхтев, как подземное чудище, подавившееся чернозёмом.

Водитель что-то пробубнил, зазвенел ключами. Мотор раскашлялся и смолк. Кто-то недовольно засопел и цыкнул. Люди замолчали, слушая, как бормочет водитель и копается в бардачке.

В темноте духота будто усилилась. Арсений протолкнулся к окну, нащупал ручку и дёрнул в сторону форточку. Его дождевик зашуршал, как целлофановая обёртка для букета.

Из тоннеля послышался гул.

– Ы-ы-ы-ы-ы! – выло Нечто, а может быть, просто ветер.

Лязгнула дверца.

– Ой, – женщина на переднем сиденье подскочила от неожиданности. – Хоть бы предупредил, что вылезает!

Луч фонарика чиркнул по лицу водителя, пропал под лобовым стеклом.

Скрипнула крышка капота.

Резкий звук развязал языки пассажиров.

– Кто там гудит? – прошептала девочка. – Там, в тоннеле?

– Сиди спокойно, – ответил ей строгий голос, и он же добавил: – Хоть бы свет включили.

– Не пихайте меня, женщина, – прогнусавил увалень.

Кто-то снова цыкнул и засопел.

– Почему мы встали? – послышался сонный голос Амалии.

– Тише-тише, – сказал Арсений. – Сейчас поедем.

Он нащупал в темноте её сухую горячую ладонь. У неё всегда теплели конечности, когда она спала.

Что-то бухнуло снаружи.

– Ох, – вздохнула женщина на переднем сиденье. – Господи, хоть бы никто в нас не врезался. Стоим тут посреди прохода.

Голоса зашептались, занервничали. Луч фонарика скользнул по потолку кабины. Крякнул водитель, хлопнула дверь.

– Что случилось?

– Щас поедем, ждите.

– Чего ждать-то?

– Да он издевается!

– В нас сейчас кто-то врежется – и всё.

– Мама мне...

– Почему не едем?

– Ждите. И без истерик!

– Не орите! Не пугайте детей!

Толпа зашевелилась, как тёмный мазут в бочке. Кто-то навалился на Арсения спиной, отодвинул локтем.

– Душно, – пропыхтел хриплый голос сбоку. – Душно, плохо. Откройте двери.

– Не положено.

У окна кто-то всхлипнул. Старик узнал девушку с кольцом в носу, даже в полумраке он видел, как она дрожит. Амалия обняла её, прошептала на ухо:

– Т-с-с.

Стены тоннеля двинулись навстречу друг другу, желая раздавить автобус, как банку с тушёной. Арсений тряхнул головой, прогнал морок.

– Тихо! – заорал водитель, но стало ещё хуже.

Страх заражал пассажиров, тащил в сливное отверстие, в чёрную дыру паники. Кто-то полез к дверям, застучал кулаком.

Арсений пошатнулся. Такое уже случалось с ним когда-то. В сердце подводной лодки, на глубине трёхсот метров. Субмарина замерла в толще Чёрного моря, хотя никто её не останавливал.

Он уже слышал эти голоса, видел блестящие вытарашенные глаза в тусклом свете, дрожащие руки и жадные рыбы рты. Он знал, что случится дальше, и потому крепче вцепился в поручень, напряг слух.

Как только волна гула стихла, предвещая новый взрыв истерики, он громко кашлянул и спросил, словно простак и деревенский дурень:

– А по-моему, здесь лучше, чем снаружи. По крыше не тарабанит и сухо. Амалия, у тебя есть носовой платок?

Жена начала копать в сумочке. Он широко зевнул.

– Нет! Ну, так я и знал. У кого-нибудь есть платок? Не хотелось бы на всех начхать.

Он потёр переносицу:

– Уф...

– Вот, держите, – обернулась женщина с переднего сиденья.

– Благодарствую, – старик громко высморкался. – Верну бандеролью.

Кто-то в темноте – кажется, студентки – хихикнул. Недовольный цыкальщик цыкнул в третий раз.

Водитель хлопнул крышкой бардачка, зазвенел ключами. Пассажиры слушали – что ещё отколет старик.

– Погодка-то дрянь, – сказал Арсений, улавливая перемену настроения у публики. – Кости ноют. Но бывало и похуже. Помню, лет тридцать назад мы вот так застряли на дне Чёрного моря в подлодке.

– И что? – спросил мужской голос с того места, где стояли матросы.

– Да ничего.

– Как ничего?

– Ни-че-го. Всплыли, куда ж деться.

– Страшно было? – любопытствовал голос.

– Сидеть в бутылке? Под тоннами воды? Это вам не в сухом тоннеле застрять на пять минут. Всякий может струхнуть.

– Мама, бабушка – водолаз? – пискнула девочка.

Её слова потонули в рёве мотора. В салоне мигнул и зажёгся свет. Пассажиры разом заговорили, заохали. Кто-то нервно рассмеялся.

О старике тут же забыли. Арсений закрыл глаза, вытер пот, холодивший висок. Иногда одно слово, одна минута решают всё – как капля в доверху заполненной бочке. Его ладонь сжали. Он опустил глаза и встретился взглядом с Амалией. Она улыбнулась ему, неспешно моргнула.

«Вот, – подумал он, глядя на её помолодевшее лицо. – Вот она – девушка в пёстром платье».

– Почему ты не снимешь шляпу? – наклонился он к ней.

– Чтобы все увидели мою лысину? Ну уж нет.

– Нет у тебя никакой лысины, – шепнул старик. – Сними, хочу посмотреть на тебя... с волосами.

Ливень картечью ударил в крышу. По окнам побежали ручейки. Тёмные стены тоннеля отступили, открыв взгляду морскую бухту, над которой пухли тучи, то здесь, то там поблёскивая молниями. Гроза уходила за море. Дождь утомился, застучал тише.

Кто-то похлопал его по плечу:

– Садитесь.

Арсений отмахнулся:

– Не надо. Постою.

Незнакомец навязчиво потянул за локоть:

– Садитесь. Я уже всё равно стою.

– Да оставьте!

Старик поморщился, неуклюже высвободил руку, развернулся и оказался с упрямым юношей лицом к лицу.

Матросик был чуть выше его ростом, с тонкими усиками над верхней губой и цепким взглядом. Но особенно не понравились Арсению оттопыренные красные уши на длинном лице морячка.

– Неудобно же по горным дорогам... А вы с супругой.

В голосе упрямца слышался какой-то знакомый акцент, от которого Арсений уже давно избавился.

«Неужто земляк?»

– Ладно, – смягчился бывший подводник. – Свято место пусто не бывает. Кому-то пригодится.

Матросик пожал плечами, нахмурился и отошёл на шаг в сторону.

Арсений из-под локтя следил за ним. Ишь, какой настырный! Чуть силой добро не навязал.

Вид у юноши был так себе: форменная рубаша вымокла, весь какой-то дёрганный, глаза горят, как при малярии. Похож на сына, когда тот заартачится и упрётся рогом: не хочу так, хочу сяк.

Ноги старика налились тяжестью, зануло в пояснице – он не заметил, как опустился на освободившееся место.

Автобус снова въехал в тоннель, но на этот раз не остановился, только в салоне коротко мигнул свет.

Молния едва чиркнула вдали, громыхнуло в последний раз, но так, что стёкла задрожали.

Задремавшая Амалия хлопнула глазами, как удивлённый ребёнок.

– Нам пора выходить! – сказал ей Арсений в самое ухо, – вставай и держись за меня.

– Я видела странный сон! – она зевнула и оперлась на его руку.

Медленно, как сомнамбулы, они побрели к выходу. Впереди покачивались затылки. Среди них – несколько фуражек. Которая его – земляка?

Амалия, посвежевшая после короткого отдыха, рассказывала сон. Описывала бушующее море, молодца, плывущего к ней на лодке сквозь шторм. Старик не особенно слушал, расплатился с водителем, помог ей спуститься по скользким ступенькам.

– И тогда, – закончила жена, – я поняла, что мальчик в матросской форме – это ты.

Двери автобуса с шумом захлопнулись.

Арсений выпучил глаза, коснулся пальцами торчащего уха, словно проверял, на месте ли оно.

– Амалия, – его голос надломился. – Я встретил самого себя. В молодости.

– А?

Он не повторил, впился глазами в запотевшие окна автобуса. В мутном стекле маячили размытые цветные фигуры. Они, как неясные призраки прошлого, вернули его на родной полуостров – туда, где, зажав в руке обручальное кольцо, молодой моряк запрыгнул в проходящий автобус. Так же лупил дождь и сверкали молнии, так же виляла горная дорога, и старик в жёлтом плаще не пожелал садиться на его место. О! Тот пожилой гражданин дал несмышлёному салаге настоящий мастер-класс по упрямству. Как же он его раздражал!

Сколько лет, сколько долгих лет придётся тренироваться юноше, чтобы достичь такого же высокого уровня! Арсений сплюнул, мрачно ухмыльнулся.

Амалия взяла его под руку, и он, словно извиняясь за все прожитые с ней годы, поцеловал её в шляпку.

В небе над морем замерцала первая звёздочка. Во влажной дымке таяли красные огоньки автобуса, увозящего пассажиров по намеченному маршруту.

Звенящие сады

Его новенький красный мотоцикл «Восход» по-медвежьи заревел, взлетел на гору. Морской ветерок поцеловал лицо, зазвенел брелоками и значками на потёртой джинсовке. Ян обернулся на прощание и увидел скалу Кошку, тонущую в утренней дымке. Городок, в котором он ночевал, уже скрылся из виду. Бродяга вздохнул и улыбнулся. Посмотрел вперёд – на стену гор, на голубую полосу моря – и опять вздохнул: не может человек быть так счастлив.

Он уже собрался включить на всю громкость прикреплённый к рулю кассетный магнитофон, но тут его внимание привлекла тоненькая фигурка на обочине. Девушка несла в руке серый футляр и шла так неспешно, словно прогуливалась по набережной, а не по трассе. Услышав рокот двигателя, она обернулась, сощурилась, поправила дорожную сумку на плече.

– Из Голубой бухты? – крикнул Ян, остановившись шагах в пяти от неё.

Девушка коротко кивнула. Её правая рука осталась согнутой в локте, как будто она несла что-то хрупкое и боялась уронить. Ян заглушил мотор, чтобы не ревел ей на ухо, подкатил тяжёлый мотоцикл руками, пропыхтел:

– Я тоже оттуда.

– Шлем не снимешь? – предложила незнакомка и поднесла к губам подтаявшее эскимо на палочке.

Он поспешно обнажил голову, пригладил растрёпанные волосы, короткие наверху и длинные на затылке.

Девушка рассмеялась.

– Что? – щёки Яна чуть покраснели.

– Я тебя узнала. Ты пел вчера у костра, с таким серьёзным лицом.

Она закатила глаза, втянула щёки. Ян улыбнулся:

– Я правда пел с таким лицом?

Девушка махнула рукой:

– Неважно. Пел ты красиво.

Кусочек мороженого сорвался вниз, едва не попав на её чистые льняные брюки. Она отпрыгнула, вскрикнула и засмеялась. Он быстро окинул её взглядом: цветные бусы из пластмассы, розово-голубая маечка на загорелых плечах. Под облаком кудрявых волос две сережки-капельки. Всё в тон, со вкусом и без изысков.

– Что это была за песня? – спросила она. – Никогда раньше не слышала.

– Она из Звенящих Садов. Мой отец привёз её оттуда много лет назад.

– А... – кивнула она, – теперь ясно.

– Что ясно?

– Почему она так звучала.

– Как?

– Ну, немного старомодно.

Ян опустил голову, сделал вид, что поправляет значок на воротнике.

– Поэтому я и еду в Сады. Хочу выбрать что-нибудь сам.

Девушка прикусила нижнюю губу, бросила взгляд на свой футляр.

– Значит, едешь в Сады?

– Ага.

Он успел заметить, как в глазах у неё вспыхнул огонёк, словно кто-то чиркнул сломанной зажигалкой, высекая искры. Теперь и он её вспомнил – этот взгляд и улыбку, затаившуюся в полумраке среди оранжевых лиц зрителей, собравшихся у костра.

– Почему ты одна? Где твои друзья? Вас там человек двадцать было.

– Они мне не друзья, – спокойно ответила путешественница. – Наш оркестр гастролирует по стране. Скука смертная.

– Так ты что, сбежала?

Она лизнула эскимо. С неудовольствием взглянула на поднимающееся солнце:

– Опоздала на автобус. Как бы случайно. Им нравится играть, а мне – сочинять. Ничего не поделаешь. Я ищу новый стиль, иное звучание, понимаешь?

Он кивнул. Уж кто-кто, а он её отлично понимал.

– Скрипка? – кивнул он в сторону футляра.

– Ага. Семилетка в музыкальной школе. А сейчас я на третьем курсе консерватории.

Ян с уважением кивнул.

– А ты?

– Самоучка, – ответил парень. – Так, умею всего понемногу.

Она забавно пошевелила бровями – мол, с тобой всё ясно. Небрежно бросила:

– Значит, едем в Сады?

Он усмехнулся. Перекинутый через дорожную сумку пиджачок с плечиками, и туфельки, и миниатюрные ухоженные руки выдавали в ней жительницу столицы. И хотя у неё почти не было багажа, он мог поспорить, что её сумка почти вся забита редкими книгами.

– А не боишься ехать с первым встречным?

– Ну ты же не бродяга какой-нибудь.

Мотоциклист прыснул.

– Что, – наморщила она лобик, – нигде не учишься и нигде не работаешь?

– Уже нет.

– Ну хоть дом-то у тебя есть?

– Конечно. Есть родители и два брата.

– Вот и отлично. С двумя братьями хочешь не хочешь, а начнёшь бродяжничать. Давай, заводи мотор и покажи мне, как правильно сидеть на этой штуке.

– Сначала надень вот это, – он нахлобучил на неё потёртый шлем.

Она неловко повертела головой, подняла руку с мороженым и чуть не ткнула им в стекло. Оба расхохотались.

Когда с эскимо было покончено, а вещи уложены в багажник и седельные сумки, он повернулся и сказал, чуть-чуть заикаясь:

– Тебе нужно держаться... держаться за меня, чтобы не упасть.

– Понятное дело.

Она забралась на сиденье. Мотоцикл пружинисто осел. От неё пахло морем и цветущей вишней.

– Готова?

Её руки обняли его за талию крепко, без стеснения.

– Угу. Надеюсь, ты учился водить?

– Надейся, – он похлопал мотоцикл по тёплому баку, как хлопают по шее скакуна. – Кстати, я сам его собрал.

Он увидел в зеркале, как она удивлённо хлопнула глазами, дал газу. Мотоцикл рванул с места, поднимая клубы пыли. Ногти Дины вцепились в джинсовку. Один из металлических значков на его куртке больно впился в ладонь. Навстречу им нёсся цветущий, дышащий жизнью полуостров.

Они поужинали на галечном берегу возле обросшего водорослями и ракушками волно-реза.

Что-то заставило их подальше отойти от шумной набережной, от толпы отдыхающих, от ярких огней курортного городка. Это «что-то» было не просто взаимной симпатией двух молодых людей – весь день они говорили о Звенящих Садах.

Бродяга умело сложил костёр из веток. Растянулся у огня.

– У каньона придётся оставить мотоцикл и спускаться по горной тропе. Говорят, это опасно.

– Знаю, – ответила она, наклоняя к костру голову и расчёсывая непослушные мокрые волосы.

– Знаешь? – он посмотрел на её туфельки. – Как бы тебе ноги не переломать.

– В Сады не попадают по путёвкам и приглашениям. К ним невозможно заранее подготовиться. Тебе или повезёт их увидеть, или нет.

– Знаю, – пробурчал Ян и уставился в звёздное небо.

– Знаешь? – ехидно бросила она.

Они поговорили о метеорите, который когда-то упал в каньон. Дина сказала, что его никто никогда не видел, а Ян начал спорить с ней, мол, его отец видел кристаллы странного льда, рассыпавшиеся по деревьям, – они оттуда, из глубины Вселенной. Прилетело небесное тело и раскололось от удара на мелкие части. Вот выросшие на этом месте деревья и звенят.

– Те, кто нашёл Сады, не могли потом сказать точно, мираж ли это или конкретное место на карте.

– Они же огромные, разве их не видно с вертолёта?

– Вертолёты там не летают. Над каньоном воздушные водовороты. Несколько пилотов погибли.

– По-моему, всё это бредни, – зевнула в кулачок скрипачка.

– И всё-таки ты туда едешь.

Она замолчала, стала серьёзной:

– Не могу как все. Хочу оставить что-нибудь особенное после себя. Хочу отправиться туда, где никто раньше не был.

Ян кивнул. Он снова отлично её понимал.

– Дай попробовать ту вчерашнюю песню, – попросила девушка, укладываясь на ещё тёплые камни. – На вкус.

Он достал из рюкзака флягу, открутил крышку. Хотя Дина сидела по другую сторону костра, она отчётливо расслышала тихий звон и аромат будущей песни. Она сделала глоток:

– Грустные и такие тягучие нотки.

– Это блюз, – сказал парень. – Отец говорил, что в нашей стране его слушают мало. Он мог бы это изменить, но обычное вино он полюбил больше, чем то, которое привёз из Сада.

Он опустил голову, словно не хотел смотреть в её сторону.

– Ты что, стащил у него остатки?

Ян поднял глаза:

– И ни разу не пожалел об этом.

Она вздохнула, крепко закрутила крышку на фляге и передала ему. Он положил бутылку в рюкзак.

– Теперь твоя очередь. Сыграй что-нибудь.

Девушка не заставила себя упрашивать, вынула из сумки баночку и ложку. Съела что-то тёмное. Достала из футляра скрипку, подкрутила колки и смычок. Села, скрестив ноги, прижала подбородком деку, заиграла.

Плавная неизвестная музыка, сопровождаемая шелестом волн, разлилась по воздуху, ярче зажгла звёзды на небосклоне. Он закрыл глаза, перестал дышать. Мелодия чуть переменялась, зазвучала привычнее. Он угадал несколько знакомых нот, быстро сел.

– Что это? Ты это нашла в Садах?

Она заиграла, как раньше. Расхохоталась, глядя на его удивлённое лицо:
– Я никогда не была в Садах. И никто из моих близких не был. Это Дворжак. Ария русалки. Классика, а в ней немного музыки из твоего вина.
– А как же баночка? Что в ней?
– Крыжовниковое варенье, – она стёрла выступившие слёзы. – Тебя легко провести. Он посмотрел на неё и тоже засмеялся.

Было уже далеко за полночь. В костре догорали угли.
Они лежали в шаге друг от друга, тихо переговаривались.
– Что, если Дворжак ездил в Сады и нашёл там своё звучание?
– А метеорит в то время уже упал?
– Не было никакого метеорита. Может, и Сады тоже не существуют – всё пустые слухи.
– Хотелось бы проверить.
Дина села:
– Так чего мы ждём? Едем сейчас. Утром мы уже будем на месте.
Ян зевнул, почесался.
– Сейчас? А вздремнуть немного?
Она встала и потянула его за рукав:
– Утром мы уже будем там. Какой тут сон?
Бродяга поддался и встал – как будто не сам, а это она его подняла, хотя он был тяжелее и выше. И неловко замер, оказавшись к ней лицом к лицу.
– Едем, – голос девушки прозвучал мягче, чем обычно.
Она едва коснулась тыльной стороны его ладони. Скользнула к мотоциклу, оставив в воздухе запах вишни и моря.

«Восход» летел по пустой трассе, разрезая мрак электрическим лучом. Бледные мотыльки шарахались в стороны, удивляясь, почему безумный фонарь луны несётся прямо на них.
– Что люди делают с плодами из Сада? – перекрикивала рёв мотора Дина.
– То же, что и со всеми остальными, – консервируют, варят, сушат или превращают в вино.
– Музыка от этого может испортиться?
– Испортиться? Нет. Но может немного изменить свойства. Отец говорил, что его вино раньше нравилось ему больше.
– Может быть, у него просто изменился вкус?
– Может быть.
Мотоцикл зарычал, запел и рванул вверх, к светящему небу.

Когда запахло древней пылью, а не морской солью; когда солнце начало припекать макушку, а горы стражами окружили их со всех сторон, путешественники увидели руины монгольского города на скале и остановились.

Несмотря на ранний час, длинный поток туристов поднимался в гору.
– Пройдите через солнечные врата, спуститесь по ступеням и отправляйтесь в увлекательную прогулку по золотому каньону, – кричал в рупор местный зазывала. Он говорил монотонно, на его кислом небритом лице в панамке читалась скука. – Мы знаем безопасные тропы с великолепными видами. Возможно, именно вы увидите Звенящие Сады, о которых ходит столько легенд.

В толпе Ян разглядел несколько музыкантов, таких же юных, как он. По двум сторонам дороги теснились палатки.

– Фрукты из Звонящего Сада! – кричала носатая торговка в нижнем ряду. – Купите и сочините шедевр.

– Ну-ну, – перебила её тучная соседка в узорчатом платке. – Я видела, как ты срываешь обычные сливы и виноград со своего огорода.

– Что?! А ты срываешь с чужого! – огрызнулась носатая.

Дина поморщилась.

– Я как-то иначе представляла это место.

– Ты тоже?

Они долго поднимались наверх, глотая пыль и щурясь от яркого солнца. Примерно на полпути девушка начала прихрамывать.

– Кажется, я натёрла мозоль.

Они остановились возле небольшого источника, бьющего прямо из скалы, умылись и присели на тёплые камни. Поток людей всё двигался и двигался наверх.

– Фью-и, – просвистел кто-то неподалёку.

Молодые люди обернулись, увидели тёмный сторбленный силуэт, затаившийся в тени.

– Фрукты из Звонящего Сада! – проскрипел старческий голос.

Ян вытер мокрый лоб:

– Настоящие, и только у вас?

– А как же, – ответила старуха и вышла из тени. Её кожа, бронзовая, высохшая на солнце, собралась в складки. Во рту блеснул серебряный зуб. – Я зря не болтаю. Нужно, так попробуйте.

Она скрылась в тени и через минуту появилась с маленькой плетённой из бересты шкатулкой.

– Что это?

– А вы понюхайте.

Торговка открыла крышку. Из шкатулки полился терпкий аромат трав, сладковато-горький запах ягод.

– А теперь возьмите по одной.

Путешественники переглянулись.

Ян пожал плечами и засунул чёрную ягоду в рот. Его глаза округлились.

В голове застучали барабаны, завыл дудук, и колючие голоса старух задорно подхватили какой-то древний мотив.

– Что-то из фольклора, – пробормотал бродяга. Он обернулся на Дину: она стояла закрыв глаза, жуя суховатую ягоду и медленно покачиваясь.

– Пять раз Сады впускали меня к себе, – прошептала старуха. – И теперь весь полуостров поёт песни, которые я когда-то сочинила.

Ян протянул руку, чтобы взять ещё ягоду, но торговка быстро захлопнула шкатулку:

– Хорошего понемногу. Сначала заплатите за те, что съели.

– Заплатить? Но вы сказали, что они бесплатные.

– Я сказала, что они настоящие, вьюноша. Это вам не фруктовый рынок, где можно всё попробовать. Каждая ягодка на вес золота. Так что платите, пока я не начала кричать «Воры!».

– Это шантаж, бабуля, – Ян побледнел и погрозил ей пальцем. – Вы ведёте себя очень нехорошо.

– Заплатите за ягоды, – она подмигнула. – И я покажу короткую тропу до Садов. Она опаснее и круче, но ведёт прямо к тайному месту.

Старуха кивнула головой в сторону толпы.

– Этих балбесов водят за нос. Они бродят по каньону по одной и той же проторенной дорожке. Проводники втюхивают им незрелую шелковицу, лишают сна на несколько дней или заставляют дышать так часто, что у них начинает кружиться голова.

Она сплюнула и вытаращила жёлтые глаза.

– После такого и Сады увидишь, и чёрта лысого, – торговка едко расхохоталась, огляделась по сторонам. – Но всякий умник знает: хочешь найти ту единственную песню, иди тропой, которой ещё никто не ходил.

Ян сложил руки на груди:

– Ничего мы не заплатим. Небось, держите нас за таких же балбесов.

Старуха хищно ухмыльнулась, зуб сверкнул на солнце:

– Дело твоё, вьюноша.

– Подожди, – Дина придержала его за руку. – Она правда была в Садах, разве ты не видишь? Как это?

– Как? – торговка пожала плечами. – Как кущи небесные, девочка. И повсюду звон хрустальный. Прислушаешься, и вот он, твой родимый напев, льётся издали.

– Сколько нужно заплатить? – скрипачка полезла в сумку.

– Нет-нет, девочка, деньги тут не помогут. Вещь за вещь. Твоя игрушка мне нравится.

Подаришь?

Девушка машинально вцепилась в футляр со скрипкой, задумалась, её пальцы разжались.

– Подарю.

– Дина, – Ян подошёл к ней вплотную. – Ты хочешь поменять старинную дорогую скрипку на кислую ягодку и пустые обещания?

Девушка сверкнула глазами. Щёлкнули замки, пустой футляр упал на землю, чиркнул по воздуху смычок, скрипка запела в её руках гневно, с чувством. Её пальцы то бегали по грифу, как белые пауки, то впивались в дерево и трепетали. Ян открыл рот, покачнулся. Музыка, как фонтан ледяной минералки, ворвалась в голову, зашекотала у самой макушки.

Что это? Кельтские ритмы? Монгольское горловое пение? Африканские напевы? И в них – бронзовой змейкой «Плач Ярославны» Бородина.

Поток людей колыхнулся, затормозил. Прохожие заполнили небольшую площадку возле источника.

Скрипачка будто вынула из дерева душу. Смычок отяжелел, рука повисла. Дина чуть наклонила голову, и Ян увидел у неё на лбу россыпь холодных капелек.

Слушатели захлопали часто и громко, кто-то свистнул и закричал «Бис!». Скрипачка замотала головой. Люди потоптались и вернулись в поток, оглядываясь и перешучиваясь. Впрочем, Ян заметил в толпе и другие взгляды – жадные и любопытные.

Он отвёл Дину в тень:

– Что это было?

Девушка вытерла лоб, убрала скрипку в футляр.

– А ты ещё не понял? Фрукты из Сада действуют. И я хочу получить их во что бы то ни стало.

Она подошла к торговке, футляр с глухим стуком опустился на пустой прилавок.

Старуха довольно сощурилась, потянула за край потускневшего одеяла, которое представляло собой заднюю стенку её убогой палатки. Ян увидел высокий сухой кустарник и в нём узкий лаз.

– Вот и тропа.

Дина быстро обернулась, исчезла за сплетением веток. Бродяга двинулся за ней, но почувствовал на руке цепкие пальцы.

– Уверен, что тебе туда?

– Я уже ни в чём не уверен.

Торговка поманила его пальцем, зашипела в ухо:

– Сады найдёт только один.

От неё пахло сухой резиной и уксусом. Ян отстранился, шагнул в проход. Рваное одеяло закрыло прореху.

Каменная тропа извивалась, то становилась пологой, то резко спускалась вниз. Дикий склон, заросший колючим кустарником, наступал на неё с обеих сторон, коварно подсовывал под ноги шипастые ветки. Девушка успела продвинуться далеко. Удивительно, как легко она шла в своих крохотных туфельках среди камней. Вот её фигурка покачнулась, но удержалась на склоне.

– Дина!

Она не обернулась. Ян нахмурился, ускорил шаг, чуть не полетел кубарем, когда древесный корень, такой же рыжий, как земля, попал под ногу.

Скоро девушка захромала, пошла медленнее, и он легко её догнал.

– Ты куда рванула?

Она резко обернулась:

– А ты как будто не знаешь?

– Чего не знаю?

– Только не говори, что отец тебе ничего не рассказывал. Звенящие Сады можно увидеть, только если ты бродишь в одиночку. Они не являются целой компании зараз.

Ян улыбнулся, постарался, чтобы его голос прозвучал как можно мягче:

– Всё верно. Но пока это неважно.

Он указал пальцем вниз, на долину, которую покрывали торчащие из песка валуны.

– Видишь, мы идём по одной тропе, а дальше она расходится. Дорожек становится всё больше и больше, и ты можешь пойти по своей, а я по своей.

– Не лучше ли разойтись на ближайшей развилке?

Ян облизал губы:

– Если ты хочешь...

– Да, – сказала Дина. – Хочу.

Он кивнул. Скрипачка переступила через ветку, сделала пару шагов.

– Стой!

– Послушай, не надо...

– Я сказал «стой», и не двигайся! – что-то в его голосе заставило её окаменеть.

Краем глаза девушка заметила какое-то шевеление в сухой траве. Ян медленно нагнулся, поднял увесистый булыжник. Тусклая кожистая верёвка скользнула у самой ноги, подняла сплюснутый кончик, зашипела. В воздухе что-то мелькнуло. Камень чиркнул по плоской голове, увлёк за собой змеиное тело, впечатал в землю. Дина зажмурилась, услышала мерзкий хруст, шагнула назад, расцарапав ногу о терновый куст, прикусила губу.

– Горная гадюка, – пробормотал бродяга, разглядывая на земле обмякший канат, покрытый ржавыми пятнами.

– Я... Думала, это какое-то растение.

Ян прочистил горло:

– Жаль. Она занесена в красную книгу. Как и подснежники.

Он вздохнул, переступил через мёртвую змею и пошёл вниз по тропинке. Дина поспешила за ним.

– Куда ты?

– Искать Сады. Ты уже забыла?

– Я с тобой.

– Извини, но у тебя слишком быстро меняются планы.

Она фыркнула. Тропа повернула, огибая гладкий валун наподобие тех, что высятся в круге стоунхенджа. С этого, первого, начинался целый лес тупых каменных зубьев, навеки

застывших посреди долины. Между ними виляла тропа, делилась, расплзалась и снова собиралась. Солнце припекало, в сухом воздухе глохли шаги.

– Ты туда, я – сюда.

Ян зашагал прочь от Дины, у следующего валуна остановился, махнул рукой.

– Найди свой Сад и своё звучание. И если захочешь, возвращайся на эту развилку. Я буду ждать.

Она медленно подняла руку, а потом исчезла за камнем.

Бродяга шёл, насвистывая какую-то нехитрую мелодийку, глядел под ноги, на потрескавшуюся тропу, где перепрыгивал, а где и перелезал через сухие насыпи камешков и веток. Скоро в глазах зарябило от леса валунов, усыпанных рыжими, будто накипь, лишайниками, – Ян остановился. Что, если старуха их обманула? Знала, что в этом лабиринте ничего не стоит заблудиться. И отец никогда толком не рассказывал, где именно он нашёл Звенящие Сады.

Как казалось Яну, он двигался в глубину, в самые недра лабиринта. Всё это время он касался левой рукой камней, чтобы в случае чего выбраться наружу по той же стороне. Парень взглянул на небо. Солнце приближалось к зениту. От быстро нагревающихся валунов накатывал жар.

Какое-то время он колебался, в какую сторону пойти, и задумчиво глядел на свою короткую тень. Он стал так же неподвижен, как окружавшие его камни, пока странная улыбка не оживила его лицо. Ян завертел головой и опустил левую руку. Ноги понесли его по тропе – то направо, то налево, то снова направо, в хаотичном случайном порядке.

Бродяге неважно, куда он идёт. Бродяга не знает, что его ждёт.

Мысли в его голове слились в начало какой-то мелодии. В лицо подул прохладный ветерок. Он принёс запахи свежей листвы, сырой древесины и неизвестных цветов. Запахи дрожали в воздухе, смешивались, и хотя это казалось невозможным, звенели.

...Всё, что он слышал о Звенящих Садах, лишь отдалённо напоминало увиденное. Конечно, там были деревья с плодами и листьями, и он даже разглядел хрупкие кристаллы, покрывающие веточки, о которых ему рассказывал отец. И всё же ничего подобного Ян не ожидал увидеть.

Например, никто не говорил ему, что Сад плывёт, как туманный остров, как облако, едва касающееся земли. Он плывёт над камнями, и длинные бледные корни со стеклянными коготками тянутся следом, издавая тихий звон. Человека, оказавшегося внутри этого облака, Сад обнимает и пропускает через себя, шурша и благоухая. Он словно знакомится с ним, ощупывает, изучает его мысли и чувства. Но это не грубое вторжение, а скорее взаимное любопытство.

В Саду Ян не встретил ни одного знакомого растения. Да и растения ли это были? Полупрозрачные побеги с тускло светящимися плодами: гирлянды ягод на тонких стебельках, сочные грозди в мозаике хрустальных листьев и цветы, распускающиеся против всех законов природы тогда, когда они того хотят.

Бродяга стоял целую минуту, стоял месяц, стоял год. Он стоял миг и стоял вечность, пока не расслышал шелест волн, ритмичные накаты моря и чайный крик. И хотя вокруг, каждый на свой лад, но, не мешая общей гармонии, лились другие звуки, именно эта часть сада позвала его к себе. Позвала то ли мелодией, то ли запахом соли и водорослей. Бродяга раздвинул запутанные побеги, ощущая кожей пульсирующие плоды, и вдохнул, полной грудью вдохнул музыку...

Он появился на каменистой тропе, когда солнце уже садилось.

Он напевал себе под нос, но Дина в вечерней тишине хорошо разобрала слова:

*Нет, женищина, не плачь.
Нет, женищина, не плачь
И большие никогда не роняй слёзы.
Нет, женищина, не плачь.*

У валуна он совершил какое-то па, заметил девушку и от неожиданности чуть не свалился с дорожки. Ещё бы – она, наверное, выглядела ужасно: лицо зарёванное, нос распух, коленки ободраны. И песня, странная песня, с незнакомым мотивом, которую он пел так, будто издеваясь над ней:

Нет, женищина, не плачь...

– Я вижу, ты нашёл то, что искал, – сказала она и поёжилась от звука собственного голоса.

Бродяга молча подошёл. Большая жестяная банка из-под сухого молока, которую он крепко прижимал к груди, похоже, немало весила, но он не поставил её на землю.

– Что у тебя с ногами?

– Ничего, – буркнула девушка и одёрнула юбку, чтобы закрыть ступни, покрытые мозолями, ссадинами и пятнышками запёкшейся крови.

Ян вздохнул:

– Дина, скоро стемнеет, нужно идти.

– Никуда я не пойду.

Она резко встала – закружилась голова, тело обдало жаром. Девушка покачнулась и плюхнулась на место.

– Ещё раз, – сказала она голосом наркомана, ищущего дозу. – И мне повезёт.

Её правая ступня нырнула в узкую туфлю. Дина поморщилась, прикусила губу.

– Перестань себя мучить. Ты же знаешь, в Сады можно попасть ещё когда-нибудь, может, в тридцать, может, в сорок, а может, и в пятьдесят, но не сегодня и не сразу же на следующий день.

– Но ты попал именно сейчас, – едко проговорила она. – Ты, любитель, дилетант, приехал сюда как раз вовремя, и Сады тебя позвали. Если бы не я, если бы я не отдала скрипку...

Она задохнулась, сжала кулаки.

Ян не сводил с её лица глаз, словно опять увидел ту змею на тропинке.

– В Сады не попадают по путёвкам и приглашениям, – тихо сказал он. – К ним невозможно заранее подготовиться. Тебе или повезёт их увидеть, или нет. Это твои слова.

Она открыла рот, быстро вытерла мокрый след от скользнувшей по щеке слезы.

Ян сел на корточки, взял её за плечи, легонько потрянул.

– Эй, не надо. Я поделюсь.

– Ты? Поделишься? – девушка нервно расхохоталась. – Новым стилем? Новым звучанием? Своим местом в истории музыки? Просто так?

– Да, – ответил бродяга. – Просто так.

– Ты даже не знаешь меня.

Её губы странно дёрнулись, выражая то ли сомнение, то ли недоверие, то ли удивление.

Ян подцепил ногтями жестяную крышку на банке:

– Вдохни.

Хотя она пробовала плоды из Сада только дважды: на пляже и у прилавка старухи, – ей было с чем сравнивать. Мелодия из банки дохнула свежестью, морским бризом, солью и песком, напитанным солнцем. Звуки-ароматы казались намного ярче, насыщеннее, вкуснее тех, что хранились долгие годы.

– Если сварить варенье...

Она протянула руку к слабо светящимся гроздьям. Ян осторожно закрыл крышку, и вокруг стало темно.

– Я думал про вино. Домашнее вино, вроде того, что бабушка настаивала из яблок. Это должна быть музыка, понятная всем и каждому.

Он снова прижал банку к груди, протянул ладонь:

– Вставай. Нам пора, а то заблудимся в темноте.

Дина встала, и они снова пошли по тропе. Только теперь идти нужно было в гору.

Скрипачка шла босиком: туфли надеть она не смогла. Кровавая полоска заката, видневшаяся из-за гор, медленно гасла. Камни и колючий кустарник под ногами заиграли багрянцем и умерли, потемнели, как остывшие угли. Скоро путники начали спотыкаться, ступать мимо тропы.

Бродяга сощурился, поглядел наверх, туда, где между скал только что виднелся и уже растворился во мгле узкий проход, по которому они пришли сюда.

– Куда он делся? Ты... – бродяга не договорил, лязгнув зубами, неестественно выгнув шею, качнулся, и его неясный силуэт исчез.

Дина вскрикнула, услышала, как что-то глухо стукнулось о камень и покатилося, шагнула к краю неведомо откуда взявшейся расщелины, посмотрела в холодную пустоту.

Сначала она ничего не увидела, только едва светящиеся пятнышки на горном уступе. На ощупь, рискуя сорваться, она спустилась вниз по склону, снова выглянула – в флуоресцентном свете рассыпанных фруктов угадывались очертания руки. Живые пальцы зашевелились, ногти заскребли по камню.

Девушка села, съехала вниз по гладкой скале, как по горке, пружинисто приземлилась на ноги. Уступ оказался достаточно широким для того, чтобы двое могли танцевать вальс в темноте. Но вряд ли кому-то могло прийти это в голову, особенно в такой неподходящий момент. Хотя Дине-то пришло.

Она вдохнула сладковато-терпкий запах, исходивший от рассыпанных фруктов, подняла округлый плод, отдаленно напоминавший сливу, и вновь услышала тот мотив, что напевал бродяга, когда возвращался из Звенящих Садов. Только мотив этот звучал иначе: строго и чуточку нервно. Как раз для скрипки, как раз для неё.

У Дины закружилась голова, задрожали коленки. Она боязливо взгляделась во мрак, туда, где лежало ещё живое тело. Опустилась на колено, нащупала жестяную банку, быстро начала собирать туда фрукты. Бродяга застонал. Она не обернулась. Её пальцы работали ловко, как у истинного музыканта. Последний плод лежал у самого лица Яна. Скрипачка подняла светящийся комочек и успела рассмотреть закрытый глаз с трепещущими ресницами, тонкую струйку крови на виске, приоткрытый рот.

Хотя от камней, нагретых за день, струилось тепло и ветер дул с юга, Дина дрожала. Озноб не прошёл, даже когда она начала карабкаться вверх по крутой тропе, по-обезьяньи опираясь на руки. Скоро она нашла тропу, но нужную ли – не знала. Она долго поднималась, не замечая ни мертвенного света луны, ни треска цикад, ни боли в израненных стопах, чувствуя только прохладу жестяной банки из-под сухого молока и тонкий аромат, исходивший от фруктов. Только когда неизвестная птичка, живущая в колючем кустарнике, громко пискнула, девушка растерянно моргнула, завертела головой.

«Я заблудилась, – подумала она. – Я никогда отсюда не выйду. Я проклята».

Но тут же в молочно-белом свете луны Дина увидела пусть мерзостную, но знакомую картину. Ленту змеиного тела, неподвижно лежащую посреди тропы, с головой, расплющенной камнем. Этот жуткий ориентир помог ей вспомнить, куда идти дальше.

Когда она вышла к источнику, отогнув полог старого покрывала, толпа туристов уже рассеялась. Теперь редкие группы молодых ребят двигались в обратном направлении. Лица их не выражали ничего, кроме усталости, обувь и одежду покрывал слой пыли. Она знала, о чём они думают, – нет никаких Звенящих Садов, всё это бредни, выдумка.

– Фью-и, – услышала Дина знакомое посвистывание и вздрогнула.

В темноте зашевелилось что-то горбатое, сухое.

– Не бойся, я никому не скажу.

Девушка почувствовала, как у неё немеют язык и губы.

– Я предупреждала его, – заскрипел старушечий голос. – Вернётся только один из вас. Найти Звенящие Сады и принести оттуда плоды не одно и то же. Верно?

Дина не ответила, обернулась, но ничего не увидела в глубоком сумраке под скалой.

– У молчания есть цена.

Что-то блеснуло в лунном свете. Сначала девушка подумала, что это серебряный зуб, но тут же узнала замочек на футляре от скрипки.

Подушечки пальцев зачесались, заныли – им бы прикоснуться к натянутым струнам, сильно, до боли прижать их к лакированному грифу. И сыграть, разорвав воздух той мелодией, что она слышала в ущелье.

– Я получу её обратно? – услышала Дина свой голос.

– А как же, – ответила торговка. – Мне твоя скрипка без надобности. Я на ней ни бумбум. Мне нужно другое.

Девушка поёжилась, крепче прижала банку к груди.

– Нет. Не отдам. Мы договаривались.

– Это верно. Но я прошу не всё. Мне хватит и пяти штучек. Не такая уж большая цена за твою скрипку и... – она кивнула в сторону дырявого одеяла. – ...молчания о том, что там произошло.

Дина быстро кивнула. Вцепилась ногтями в банку.

– Не здесь, девочка, – пробурчала старуха. Из мрака появилась морщинистая рука, поманила к себе.

Скрипачка подошла ближе и вошла в неглубокую нишу в скале – и как она раньше её не заметила? Нога стукнулось о какой-то деревянный предмет, то ли ящик, то ли табуретку.

– Открывай.

– Сначала инструмент.

Торговка недовольно засопела, сунула ей футляр. Дина зажала его подмышкой, скovyрнула крышку. Своды пещерки проступили чётче, мягкий свет озарил бледное лицо девушки и смуглое в чёрточках лицо старухи.

Мозолистые пальцы выуживали из банки плоды, прятали за пазуху.

– Стоп. Вы сказали, что возьмёте пять, а не шесть.

– Шесть или пять, – хмыкнула торговка. – Какая разница?

Дина закрыла банку, чуть не прищемив наглуую руку, вышла из ниши на свет, отщёлкнула замочки на футляре.

– Не доверяешь? – хохотнула старушка. – Там-там твоя скрипка. Дам тебе клятву за то, что поделилась своим богатством.

– Не нужны мне ваши клятвы.

– Молчи, девочка, – жёстко оборвала её торговка. – Молчи и слушай. Пять лет я не буду никому продавать эти плоды. Знаешь, почему? Даю тебе время. Не всякому выпадает возможность отведать фруктов из Звенящего Сада. Но дальше всё зависит только от тебя. Начнёшь сочинять, трудиться в поте лица, и твою песню подхватят миллионы ртов, она покорит народы. Просидишь ровно на попе – и канешь в лету: Звенящие Сады не сделают за тебя твою работу.

– Знаю.

– А если знаешь, иди и действуй.

Дина кивнула, оглянулась на штопаное одеяло, закрывавшее проход к горной тропе.

– Он... Он, наверное, ранен. Может быть, у него сломаны кости. Вы позаботитесь о нём? Позовёте кого-нибудь на помощь?

– Иди, – мрачно бросила старуха. – Иди и не оглядывайся. Иначе похоронишь свою мечту.

И она не оглядывалась. Следующие пять лет она ни разу не пожаловалась на отсутствие вдохновения. Её не сломили ни равнодушные продюсеры, ни бестолковые партнёры-музыканты, ни жадные звукозаписывающие компании. Стоило отведать ложечку душистого варенья, и новая мелодия врывается в её сознание то нежным бризом, то грозным цунами. Дина с лёгкостью «напилила» на скрипке четыре новых альбома: «Следы на песке», «Хижина у моря», «Ундина» и самый популярный «Дорога в Звенящие Сады». Музыкальные критики назвали этот альбом новым словом в истории неоклассики. Её мелодии зазвучали из окон дорожных авто, в холлах пятизвёздочных отелей, у пристаней, заполненных белыми яхтами. На её концерты приходили люди, одетые в мягкие костюмы и платья. Они слушали её молча, приосанившись и закрыв глаза, будто музыка проникала в них тоненькой струйкой и застывала спицей в позвоночнике. Они уходили так же важно и степенно, небрежно поправляя платиновые запонки на запястьях и жемчужные бусы на шеях. Уходили за тем, чтобы через месяц вернуться с такими же непроницаемыми лицами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.